

Игорь Акимушкин

ИНДРИК- ЗВЕРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "МАЛЫШ" 1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“ 1968

Как ты думаешь, кто сильнее: тигр или медведь? Почему верблюд три недели не пьёт и не умирает? А как пингвины на снегу да на морозе птенцов высиживают, хочешь узнать?

И почему глухарь глухарём называется?

И кто такой Индрик-зверь? О нём разные сказки рассказывали.

Почему сказки? Да потому что жил этот огромный зверь 15 тысяч лет назад, а в наше время его ближайший „родственник“ слон остался только в Индии и в Африке. Впрочем, об этом ты сам прочитаешь в нашей книге, которая так и называется „Индрик-зверь“.

ПОЧЕМУ ГЛУХАРЬ ГЛУХОЙ

В Берендеевом царстве, лесном государстве, на болотах моховых и топких, живёт птица, по прозванию глухарь.

Никогда не видел её?

Ну, тогда давай оденемся потеплее, котомку себе-рём дорожную — и в путь. Главное, сапоги резиновые не забудь надеть.

Э, нет, дружок, не эти коротенькие. Да ещё с красными лошадаками! В этих только в городе по мокрому асфальту гулять.

Сапоги нам нужны охотничьи: на болото идём.

Ну, а теперь гляди в оба. Такого ещё никогда ты не видывал.

Истинно царство Берендеево. Сказочная быль. По

земле мох да мох. Сфагновый, торфяной... И клюква по мху. словно красные бусины по зелёным кочкам брошены. Чахлые сосенки нерешительно трясину обступили. Стоят бледные, притихшие.

А за ними, дальше по буграм, чаща непролазная. Ели хмурые насупились неприветливо. Сосны, смолу источая, шуршат тревожно иглами. Бурелом да гниль, пни да коряги замшелые.

Вот он где живёт, глухарь наш.

Идём, идём. Не отставай, дружок!

Ишь, как ручей извернулся. В сапогах мы его легко перейдём. А вода в нём, смотри, чёрная, с медными переливами. Бежит невесело, шепчет что-то невнятное, будто наговор ведёт...

Видишь, сосенки-недоросли на болоте? Самое место глухариное. По-охотничьи — ток. Каждую весну слетаются сюда глухари токовать.

Как токуют? Ну, это мы сегодня увидим.

Вернее, не сегодня, а завтра. Только, чур, условимся. Будить начну чуть свет, в два часа, ещё до рассвета. Вставай сразу. Иначе ничего не увидишь.

А сейчас, пока солнце не село, давай костёр разведём.

Ну-ка, проснись! Проснись скорее! Слушай: пока ты спал, три глухара прилетело. Один большой, чёрный, совсем рядом устроился. Сел вон на ту сосенку — вершинка её закачалась.

Если не спугнём его — всё как на ладони увидим.

Тс-с... Петь начинают...

— Тк, тк, тк, — словно косарь косу отбивает. Это глухарь запекает так.

А теперь щелчки всё чаще. Чаще... Ещё чаще... Ишь, заскрипел как!

Ну-ка, давай к нему поближе подберёмся. Да

не бойся ты. Не спугнём. Сейчас, пока скрипит, глухой он.

Стоп! Вот теперь замри и не шелохнись. Щёлкать начал — опять всё слышит.

А теперь опять бегом! Да поскорее! Видишь его теперь? Вон он на дереве — большой, чёрный, грузный. Смотри, какая удивительная птица: краснобровая, бородастая. Хвост веером распустила, распушилась, шею выгнула. И без устали, без перерыва топчется на суку, то припадая к нему, то вскидываясь.

И поёт, поёт, сама захлёбывается своей песней!

«Токует», — говорят охотники.

И так вот все зори напролёт, каждую весну в наших лесах поют глухари.

А когда поют, так широко клювы раскрывают, что сами себе ушными жилками и косточками уши затыкают. И глохнут на время.

Вот оттого-то и прозвали глухаря глухарём.

АНТАРКТИЧЕСКАЯ „ЧЕРЕПАХА“

На Южном полюсе лежит страна Антарктида. О том, что есть такая страна, люди давно знали.

Но больше ничего сказать о ней не могли.

А несколько лет назад учёные из разных стран договорились между собой изучить получше Антарктиду.

И отправились к Южному полюсу экспедиции: американские, французские, бельгийские, ну и, конечно, наши — русские.

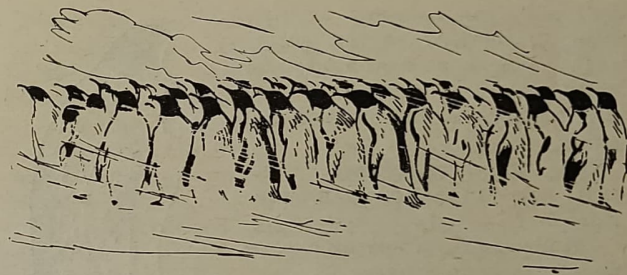
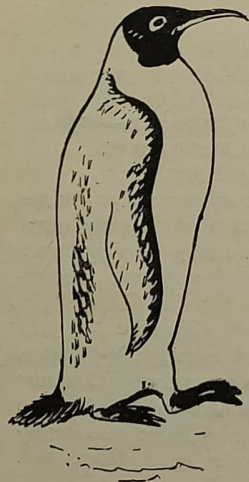
Чудеса начались уже, когда корабль наш к берегу Антарктиды подплывал. Смотрят моряки, и учёные, и капитан корабля — ничего понять не могут. Стоит на берегу толпа встречающих, руками машут. Ничего не понятно. Ведь точно знают — людей здесь нет. Встречать некому. Подплыли поближе и засмеялись все.

Пингвины на берегу выстроились, крыльями машут: добро пожаловать, мол, в наш край.

Удивительные птицы — пингвины. Добродушные, миролюбивые. И уж такие доверчивые да любопытные, что не только убить, прогнать их иногда, если мешают, рука не поднимается.

В Антарктиде живут два разных вида пингвинов: пингвины Адели и императорские. Адели — маленькие, человеку по колено, не больше. Зато императорский пингвин — великан. Рост у него почти полтора метра, а весит он сорок килограммов! Толстый, жирный, ходит по берегу вперевалочку. И не подумаешь, что такая неуклюжая на берегу птица в воде очень быстрая и ловкая. Летать пингвин не умеет. Крылья у него недоразвитые. Зато по воде (ведь пингвин — птица морская),

как глассер, мчится. Это когда удирает или за кем-нибудь гонится. А так медленнее, конечно, плавает. Вот где короткие и крепкие крылья нужны. Как вёслами, работает ими пингвин в воде.

В море пингвины только за рыбой охотятся. А всё свободное от охоты время проводят на берегу. Собираются здесь большими стаями. Всем вместе им легче зимнюю стужу переносить. Зима в Антарктиде страшная: морозы там сорок, а то и восемьдесят градусов. И снежные бури. Да такие, что лучше одному в такую бурю не оставаться! Бешеный ветер вмиг с ног собьёт и навалит на тебя сто килограммов снега. Не-ет, в такую бурю лучше поближе к товарищам держаться. Пингвины это знают. Когда начинается буря, собираются в кучу и тесно прижимаются друг к другу. Получается круг такой из пингвинов. Учёные назвали его «черепахой». У краёв «черепахи» птицам холодно. Они уходят греться в середину круга, а на их место приходят, согревшись, другие. «Черепаха» всё время кружится и медленно ползёт туда, куда ветер дует.

Снаружи буря снежная бушует, мороз трещит, а внутри «черепахи» тепло, как летом в Африке. Тридцать шесть градусов! Кончится буря — и пингвины расхватаются.

Ты, наверное, хочешь спросить, как они на снегу птенцов выводят?

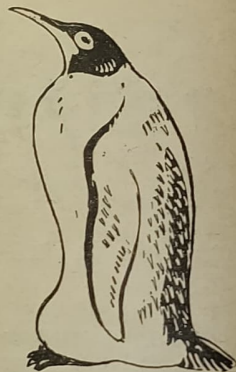
И правда ведь: кругом снег — положить яйцо некуда...

Знаешь что пингвины придумали? Кладут яйцо — они высиживают только одно яйцо — к себе... на лапы. А чтобы и сверху

не замёрзло, покрывают его пуховым «одеялом»: особой складкой кожи на брюхе.

Сначала пингвиниха яйцо держит. Потом пингвин-отец. Но не просто он приходит и забирает яйцо себе. А долго кланяется пингвинихе, крыльями взмахивает, хвостиком дрожит — очень волнуется. Сам всё на яйцо поглядывает, клювом его трогает и песню ей особенную поёт: мол, иди, дорогая, отдохни, я сменю тебя.

А пингвиниху и уговаривать долго не приходится. Она здорово проголодалась: пока яйцо на

лапах держала, ничего не ела. Давно пора подкрепиться. И она уходит. Месяца на два. К океану за рыбой. Иногда километров за сто или двести уйдёт, но дорогу обратно всегда находит.

Пока пингвинихи охотятся, отцы-пингвины голодают. Ничего, они терпят. Главное, яйцо драгоценное не остудить, не заморозить в нём маленького пингвинёночка. Пингвинята иногда до прихода матери «из отпуска» вылезают из скорлупы, но чаще всего после. Так лучше. Голодать не придётся. Ведь мать-пингвиниха приносит с собой в желудке много рыбы. Рыбой кормит своего птенчика.

Ты скажешь:

— И надолго этой рыбы хватает?

— Нет, не надолго.

— А чем она кормит птенца, когда рыба кончится?

— Птичьим молоком. Да, не удивляйся: настоящим птичьим молоком. Не веришь? Думаешь, не бывает такого? А вот и бывает. Только молоко это птичье больше на творог похоже. И не из вымени его пингвинёнок сосёт, а добывает в горле у папы и мамы. Засунет туда свой длинный клюв, схватит побольше птичьего творога-молока — вот и сыт.

КОПЫТНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

Весной у Важенки родился сын.

Такое в тундре не редкость. Но всё-таки каждый, кто бежал или летел мимо, останавливался посмотреть оленёнка. Совсем, как в том фильме: помнишь «Вэмби»?

Но только это был северный оленёнок. И народец, который собрался вокруг, тоже был северный. Особенно шумели гагары:

— Ах, какой милый ребёнок! Нет, вы только посмотрите: у него одно ушко чёрное. Чёрное ушко! Ах, как мило! — галдели они, перебивая друг друга.

— Эка невидаль — оленёнок! — старый лемминг поднялся на задние лапки и сердито фыркнул. — Поду-

маешь, чёрное ушко! У меня, может, вся спина в пятнах. Что ж из того?

А оленёнок поднялся на тонкие ножки, и копытца его едва слышно хрустнули.

— Фь-ю-ю, — свистнул лемминг. — Да у него ещё и ревматизм от рождения.

— Ах, ах, подумать только — от рождения ревматизм! Ах, какие слабые дети пошли! — опять загалдели гагары. — Ему нужно беречь ноги от сырости. — И они улетели.

Ушёл в свою норку старый лемминг. Дремала Важенка. А оленёнок лежал и грустно думал: «Я такой милый, а у меня ревматизм... Нужно беречь себя...»

И поэтому утром, когда Важенка собралась на водопой к озеру, оленёнок не пошёл за ней. Он расставил передние ноги, нагнул голову и сказал:

— Не пойду.

— Ну, что ты? — ласково лизнула его Важенка. — Идём. Ну?

— Не пойду. Там сыро. А у меня ревматизм. Вот. — И он похрустел ногами.

— Ну и глупыш! — рассмеялась Важенка. — Что ж, по-твоему, и у меня ревматизм? — И она тоже похрустела ногами. — Просто у нас, северных оленей, ноги так устроены. Трутся в них сухожилия о косточки — вот и трещат они. Когда нас собирается много, знаешь какой треск стоит. А ты — ревматизм... Ну, пойдём.

Очень короткая весна в тундре. Не успеет ещё толком земля оттаять, а уже опять морозы на носу. Да снег. Да пурга. Не можешь зимовать здесь — давай собирайся туда, где потеплее.

Стали и северные олени собираться в дорогу. Подальше на юг, в тайгу. И потеплее там, и еды побольше.

— Сегодня идём? — каждое утро вскакивал Чёрное Ушко чуть свет.

— погоди. Ещё не все собрались, — качала головой Важенка.

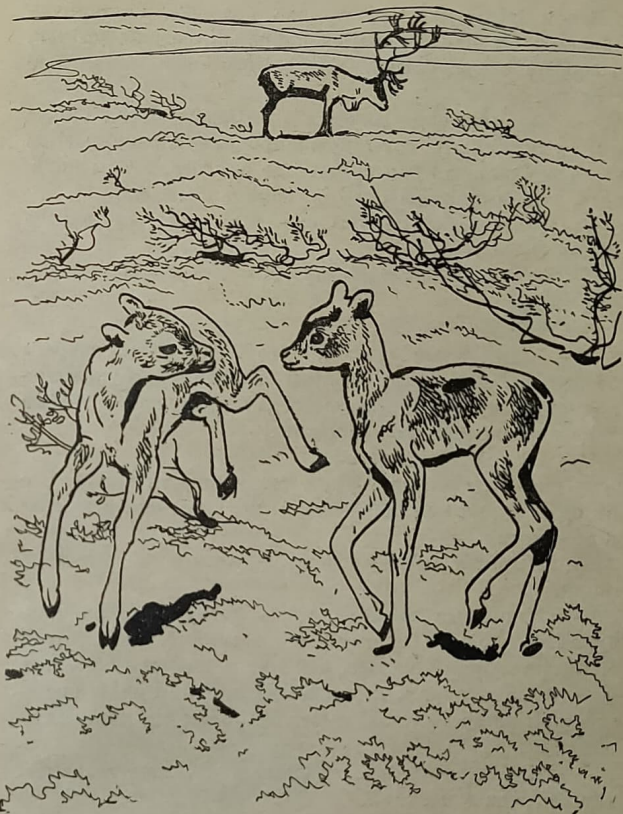
— А когда все соберутся? А много этих всех? — не унимался оленёнок.

— Теперь уж не так много, как бывало прежде. А раньше собиралось так много, что, когда северные олени переходили дорогу, четыре дня и четыре ночи надо было ждать, пока пройдут все. Но это было давно. Моя бабка рассказывала мне об этом. А ей — её бабка. Теперь нас осталось совсем мало.

Ничего не любил так оленёнок, как гулять на Яглевой Поляне. Там росло много-много ягеля — оленьего мха. И там гуляла Белая Звёздочка.

Вот и сейчас он чуть свет помчался туда.

— Не уходи далеко! Может быть, мы сегодня тронемся в путь! — только и успела крикнуть ему вслед Важенка. Но оленёнок уже не слышал её. Он думал

о Белой Звёздочке. Ему ужасно хотелось как-нибудь показать ей, что он самый сильный, самый умный, и вообще самый-самый... И поэтому он начинал хвастаться.

— Ты знаешь,— говорил он Белой Звёздочке,— я могу переплыть вот такую широченную реку.— И он бежал от одного края поляны до другого, чтобы показать, какой ширины реку он может переплыть.

— Ну и что ж! Подумаешь, все могут,— говорила Белая Звёздочка.

— Все намокнут и потонут. Я — нет. У меня шерсть особенная.

— Всё ты хвастаешь.

— А мне мама сказала, что у нас у всех шерсть особенная, надувная. Каждый волосок воздухом наполнен. С такой шерстью никогда не утонешь — она на воде знаешь как поддерживает!

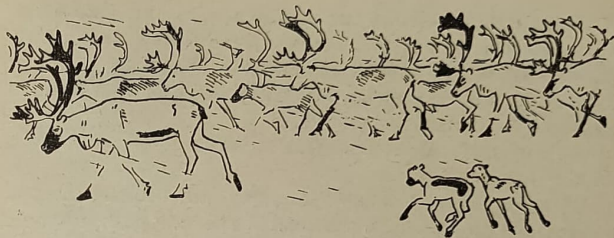
— Эх ты, хвастунишка.

— Что ты знаешь? Да у меня шерсть такая, что ни один буран не пробыёт её. Я хоть на каком морозе не замёрзну.

— И опять ты хвастаешь,— сказала Белая Звёздочка.

— Мне мама сказала, что у нас шерсть ни один буран не пробыёт. Потому что у всех остальных зверей волосы у корня толстые, а у нас наоборот, у концов. Поэтому они друг к другу очень плотно прилегают — никакой ветер не пропускают. А потом ещё мне мама сказала...

— Ну, заладил: «мама сказала», «мама сказала», «да я», «да у меня»...

Неизвестно, чем бы ещё стал похвастаться оленёнок, если бы вдруг не началась пурга.

В тундре очень часто такое случается. Было небо ясное — и вдруг снег. Бешеный ветер бросает его то в одну, то в другую сторону. И вот уже за белой пеленой в двух шагах ничего не видно.

— Мне страшно! — закричала Белая Звёздочка. — Я хочу домой, к маме!

Оленёнку, конечно, тоже было страшно и тоже хотелось к маме. Но Белая Звёздочка так дрожала от страха и с такой надеждой смотрела на него, что он вдруг и в самом деле почувствовал себя самым сильным и самым храбрым.

— А ну, не реви,— нарочно грубо сказал он Белой Звёздочке и даже боднул её головой.— И не дрожи так. Ты что, забыла: нам, северным оленям, никакой буран не страшен. Идём. Я знаю дорогу.

Дороги он, конечно, не знал. Но ведь что-то надо было делать. Не стоять же и не замерзать вот так. И они двинулись в путь. Идти было трудно. Слепил глаза снег, сбивал с ног ветер.

Однажды оленёнку показалось, что они уже были в этом месте. А потом он понял, что много часов кружатся они по Ягелевой Поляне.

— Мы заблудились... Мы замёрзнем здесь,— снова захныкала Белая Звёздочка.

— Не шуми. Не мешай мне слушать,— насторожился оленёнок.

И вдруг. Нет, показалось... Нет, вот опять.. Сквозь вой бурана он услышал знакомый треск. Хруст, хруст... Хруст, хруст... Ветер то заглушал его, то доносил яснее.

«Когда нас, северных оленей, много соберётся, знаешь какой треск стоит»,— вспомнил вдруг оленёнок слова Важенки.

— Бежим! Бежим скорее! Большое стадо тронулось в путь! Слышишь, это трещат их копыта.

Оленята помчались в ту сторону, откуда доносился треск. Несколько раз они останавливались и прислушивались. Треск становился всё отчётливей. Теперь он уже слышался и впереди, и левее, и правее.

— Скорее! Ещё немного! Сейчас мы их увидим!

И когда сквозь пелену снега замелькали серые тени, оленята поняли, что они спасены.

КТО КАМЕНЬ ПОД МЫШКОЙ НОСИТ

Есть животные, которые берут в лапы камень, а потом камнем орудуют, как молотком.

Знаешь их?

Обезьяна. Правильно!

Ещё кто?

Осьминог камни в щупальцах таскает и из камней дом строит. Да, говорят, будто камнем он даже раковины устриц открывает.

Ещё кто?

Маленькая оса аммофила, когда норку со своими детишками зарывает, камешком утрамбовывает сверху землю, чтобы не видно было, где норка.

Слон камнем пиявок со своей толстой кожи счищает.

Ну, а ещё кто?

Есть такой зверь, который камнем, как молотком, работает. Он живёт в нашей стране. В Тихом океане, на Командорских островах.

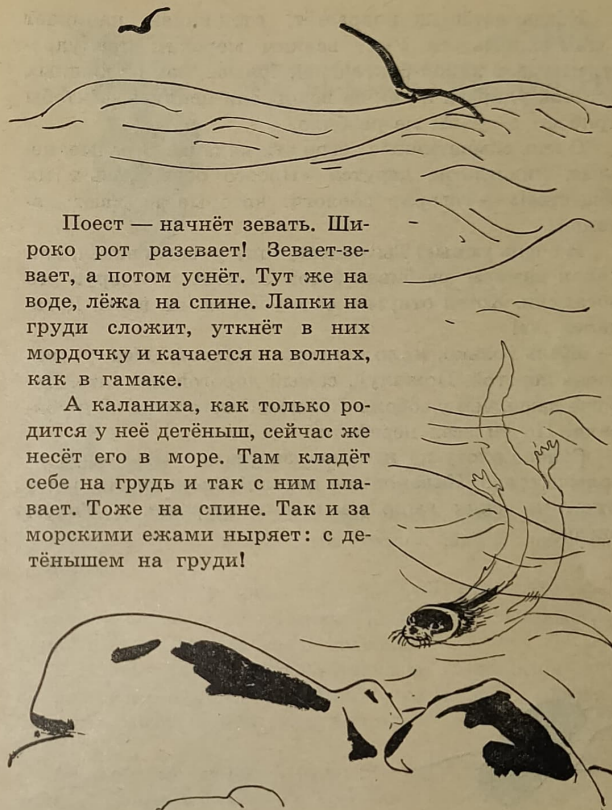
Калан! Выдра морская.

Она камень под мышкой прячет! Зачем?

А вот зачем. Морские выдры живут среди пустынных скал на самом берегу моря и ловят в океане... рыбу? Каракатиц? Не только их. Тогда кого же? Ежей морских! Вот кого! И ракушки тоже собирают. Нырять на дно и там собирают. Одной лапой хватают их и под мышку другой лапы складывают. Как в карман. И камень держат там же, под мышкой.

Чтобы добычу по дороге не растерять, калан плотно-плотно прижимает к себе лапу с грузом под мышкой. И плывёт скорее вверх. На поверхность океана.

Калан обедать на берегу не любит. Не привык. Волны его покачивают, а он лежит себе на спине. На груди у него вроде бы, как стол обеденный: на ней разделяет он свою добычу — ракушек и морских ежей. Достает их по одному из подмышки, разбивает о камень (который под мышкой прятал) и ест не спеша.

Поест — начнёт зевать. Широко рот разевает! Зеваёт-зеваёт, а потом уснёт. Тут же на воде, лёжа на спине. Лапки на груди сложит, уткнёт в них мордочку и качается на волнах, как в гамаке.

А каланиха, как только родится у неё детёныш, сейчас же несёт его в море. Там кладёт себе на грудь и так с ним плавает. Тоже на спине. Так и за морскими ежами ныряет: с детёнышем на груди!

Когда детёныш подрастёт, отец-калан начинает с ним заниматься. Учит всяким морским премудростям: где, в какой бухте ежей больше, как от хищных косаток удирать и как за водоросли цепляться, чтобы прибоем о скалы не разбило.

Очень симпатичные звери эти каланы. Весёлые, незлые, никогда не дерутся. «Просто отдыхаешь в их обществе!» — говорят зоологи, которые изучают каланов.

И очень умные! Ты знаешь, один учёный видел, как калан камнем разбивал засов клетки, в которую его посадили. Хотел открыть её и убежать на волю. Догадался же!

Жаль только, мало осталось каланов. Мех у них очень дорогой. Пожалуй, самый дорогой на свете. Дороже даже, чем у соболя. Вот из-за этого меха их и убивали. Почти всех перебили.

Сейчас охоту на каланов запретили. И сразу их больше стало. Каланов мы спасли! Скоро опять будет много морских выдр на наших островах в Тихом океане.

МЫШИ-ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Не простая была свирель — волшебная. Нильс играл на ней, и мыши отовсюду бежали к нему. Из подворотен, амбаров и подвалов текли серые ручейки, и когда запрудили они всю улицу, Нильс зашагал к морю.

Мыши рекой устремились за ним. Они бежали и справа, и слева, наступали ему на пятки. Вот пискуче-то было! Вот мышиною возни-то было!

В море, у берега, словно лодка на волнах, покачивался гусь Мартин. А Нильс всё играл и играл. Сел на спину Мартину, и поплыли они в открытое море.

Мыши замечались, забегали у воды. Но что было делать! Свирель зовёт — и бросились мыши в воду!

Сказка, скажешь? Конечно: «Чудесное путешествие Нильса Хольгерсона с дикими гусями».

Впрочем, знаешь, если убрать отсюда маленького Нильса, волшебную свирель и гуся Мартина, то это уже и не сказка, а самая что ни на есть правда.

Почему? Да потому, что на самом деле есть такие мыши, которые собираются несметными стаями и отправляются в далёкий путь.

Куда? Пищу, наверное, ищут.

И такое с ними случается: дойдут до моря и — бултых в воду. Скачут с кручи прямо в волны.

Зачем? Этого пока учёные объяснить не могут.

Тонут мыши, пищат, а на берег им не выбраться. Ловят их рыбы, хватают спруты.

Теперь посмотри на «глупого» мышонка.

Видишь, какой забавный!

Мышей этих называют пеструшками. Есть у них и другое имя. Оно немножко посложнее, но ты и его постарайся запомнить: лемминги.

Живут лемминги далеко на севере, в тундре. Во мхах под кочками и среди корней карликовых берёз тянутся длинные, но неглубокие их норки.

Хозяин норки очень неприятливый. Сам в гости к соседям не ходит и к себе никого близко не подпускает. Попробуй, подойди к его норке: как выскочит, как выпрыгнет! Весь взъерошится, по кочкам бегают, пищит. Голову назад запрокинет и глядит так свирепо, что и подходить не хочется. Палку протянешь ему — он в неё зубами вцепится. Не оторвёшь! А палец и не думай протягивать...

Иногда леммингов так много бывает в тундре, что нельзя и шагу ступить, чтобы не попала на глаза пеструшка. Всю траву они давно съели, изгрызли весь олений мох — голодно стало пеструшкам. И тогда отправляются в свои знаменитые путешествия.

Уходят всё дальше и дальше от знакомых мест. Уходят в одиночку: у каждого зверька своя тропа. Но потом пути их сходятся, как весной ручейки сливаются в потоки. И уже тысячи зверьков бредут одной дорогой. Но и тут близко друг к другу не подходят: такие они недружелюбные. Свистом предупреждают соседей, чтобы ближе метра не подбегали. Вот злоки!

А ведь посмотреть на него — такой милый и скромный мышончок.

ВЫДРЫ С ГОР КАТАЮТСЯ

Знаешь ли ты зверя, который, как и ты, любит с горы кататься?

Такой зверь живёт в наших лесах. Зовут его выдрой.

Шкурка у неё гладкая, густая, шоколадная, а на брюшке — чуть-чуть серебрится. Головка, ушки маленькие. Тело гибкое, ловкое. Выдра — рыбья гроза. Она, при случае, конечно, и диких утят таскает. И за болотными черепахами охотится. Не брезгует и водяными крысами и даже лягушками. Но больше всего любит рыбу. Всякую. И плотвичку ловит, и окуньков, и лещей. Даже самых быстрых у нас рыб — хариусов и тайменей.

Но выдра, хоть и охотится за рыбой, не враг рыболову, а друг.

Почему?

А вот не раз так было: перестреляют охотники всех выдр, и рыбы меньше становится.

Как снова расплодятся в тех реках выдры, опять в них будет больше рыбы.

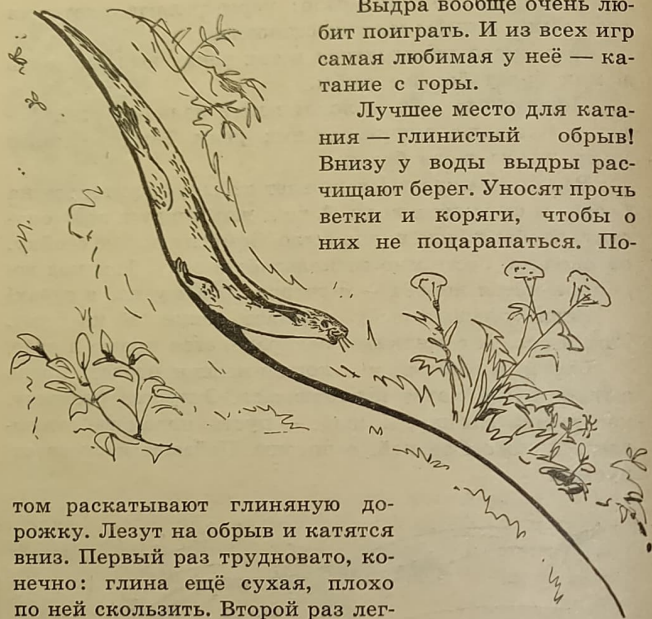
Потому что выдры ловят много больных рыб. Ловят и очищают, значит, от них реки. Там, где много выдр, рыбы реже болеют.

Вот как выдра выслеживает добычу: притаится на берегу и смотрит в воду. А то и всю морду в воду опустит, чтобы лучше видно было. Заметит рыбью стайку, осторожно, бесшумно соскользнёт в реку. Там под водой рванётся вперёд — и готово: рыба у неё в зубах!

Если большую рыбу поймает, тащит её на берег. Там и ест. А с мелкими расправляется прямо в воде.

Выдра с рыбами и в кошки-мышки играет! Когда сыта и когда хочет позабавиться. Отпустит рыбёшку, как кошка мышку, и ждёт — пусть подальше отплывает. А потом за ней, в погоню. Поймает и снова отпустит.

Выдра вообще очень любит поиграть. И из всех игр самая любимая у неё — катание с горы.

Лучшее место для катания — глинистый обрыв! Внизу у воды выдры расчищают берег. Уносят прочь ветки и коряги, чтобы о них не поцарапаться. По-

том раскатывают глиняную дорожку. Лезут на обрыв и катятся вниз. Первый раз трудно, конечно: глина ещё сухая, плохо по ней скользить. Второй раз легче. Кое-как сползёт выдра в воду — оставит на скале мокрый след. Ещё раз сползёт — след ещё мокрее. А потом уже по обрыву, как по маслу, можно кататься. От мокрого брюха и хвоста такая скользкая стала дорожка — катайся вволю.

Теперь и начинается самое развлечение!

Взберётся выдра на горку, голову вытянет, перед-

ние лапы под себя подожмёт и — вжжи-ик сверху вниз прямо в воду. Только одна в воду плюхнется, а по глиняной дорожке уже другая выдра летит. Третья из воды вылезает: спешит очередь не пропустить. Весело им.

А зимой выдры устраивают для катания ледяные дорожки.

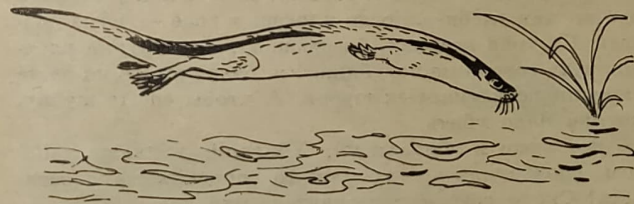
Выдры и своих маленьких выдрят учат кататься с горок.

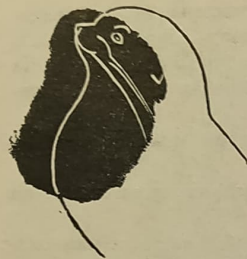
Они их всему учат: и как рыб ловить, и как плавать. Выдра-мать принесёт выдрёнка в зубах и бросит его в воду на мелком месте. А сама плывёт туда, где глубже. Кружится там, детёныша к себе подзывает. Не выйдет из воды, пока всех «ребятишек» хоть по разу не заманит на глубокое место.

Так постепенно привыкают они не бояться глубины.

Выдры живут почти во всех странах мира. Только на острове Мадагаскаре, в Австралии и Новой Зеландии их нет.

И везде на выдр охотятся. Из-за меха. Да, не повезло выдре!

КОТ МОРСКОЙ

Если ты думаешь, что морской котик похож на усатого кота «Ваську», ошибаешься.

Правда, усы у морских котиков есть, но больше они ничем на котов не похожи.

Да ты посмотри на картинку. Вместо лап у котиков ласты: так удобнее, когда живёшь в воде — легче плавать. Шкурка гладкая, блестящая... Эта шкурка котиков чуть совсем не погубила. Уж очень много на свете охотниц до котиковых шубок. А чтобы сшить шубку, котика надо убить.

Вот люди и убивали их. Убивали, убивали, а потом спохватились — котиков-то морских мало осталось! Скоро совсем переведутся. Что делать?

Договорились между собой люди: и русские, и японцы, и американцы — морских котиков в море не убивать. А капитанам всех пароходов строго-настрого приказали: около лежбищ, там, где котики на берег выходят, близко не плавать. Ну, а если другого пути нет, плыть тихо, не гудеть. И ни в коем случае не выливать здесь в воду масло и мазут. А то испугаются коты морские и больше никогда не приплывут на свои «пляжи».

Люди хорошо знают все котиковые «пляжи» и знают, когда поджидать на них котиков.

Зимой котики охотятся за рыбой далеко на юге, в Тихом океане. Но вот приходит май, и котики плывут в Берингово море к Командорским островам. Плывут они к Тюленьему острову, к юго-востоку от Сахалина, и к Калифорнии, в Америке.

Посмотри на карту. Нашёл эти острова. Там котики летом и «загорают».

Первыми добираются сюда старые «коты». Дня два плавают около берега: приглядываются, всё ли спокойно. Потом осторожно вылезают на сушу, взбираются на камни.

Отряхиваются, осматриваются, принохиваются — лежат, высоко подняв голову, прислушиваются. Это разведчики. Они пришли узнать, по-прежнему ли годится это место, можно ли здесь выводить детёнышей.

Всё спокойно, и тюлени ныряют в море (котики-то ведь тюлени! Ты не знал об этом?).

Опустели скалистые берега.

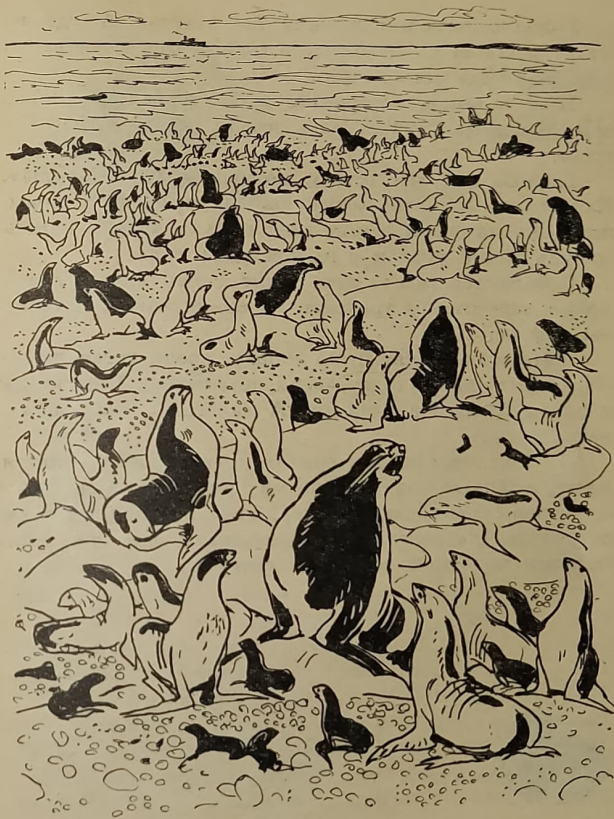
Немного позже большой отряд котиков штурмует с моря чёрные камни. Опять приплыли только самцы. Приплыли пораньше, чтобы занять место для своей семейки. А семейка у каждого немалая. Одних только жён тридцать. Да ещё каждая родит ему по котёночку. Как же здесь не позаботиться о «жилплощади».

Целый месяц ждут морские коты своих «кошек». Лежат, лапами, как веером, обмахиваются. Не едят, не пьют — место караулят. Попробуй хоть на минутку к воде спуститься: сейчас же сосед площадку займёт. Так что, уж лучше потерпеть. Одно удовольствие у них в это время — пореветь. Вот они и ревут с утра до вечера. Друг друга устрашают. Смотри, мол, какой я сильный да грозный. Попробуй только подойди к моей площадке — я твою шкуру драгоценную всю в клочья изорву!

Поэтому и называют ещё морских котиков ревунами.

Доревут ревуны до июня, а там уж и кошечки морские к острову придут.

На площадках, которые коты для них выбрали, устраиваются. И уже через несколько дней копошатся возле них чёрные комочки — морские котята.

Голодно, холодно котёнку без матери. А где же мать? Уплыла на недельку в море. Рыбу ловить: на берегу-то ведь есть нечего.

И её котёнок, бедняжка, ждёт терпеливо, когда вернётся мама. Чужая мать его не накормит, не согреет.

Хорошо ещё, что есть у котиков «детские сады». Как только морские котята окрепнут немного, ковыляют они на своих лапах подальше от воды в какой-нибудь тихий уголок у прибрежных скал.

Собираются там тысячи котят. Здесь они спят спокойно, взрослые не тревожат их своей вознёй. И тепло им в куче.

Матери приходят и по запаху среди сотен пушистых комочков находят своих детёнышей. Кормят их и опять ковыляют к океану. А малыши снова заваливаются спать.

В конце лета стадо морских котиков отправляется на юг, в тёплые края. Плывут далеко — за тысячи километров от маленьких, затерянных в холодном море островков, где ревели они и играли, и растили своих детишек коротким северным летом.

ЁЖ ПРОТИВ ГАДЮКИ

Узнаёшь? Старый наш знакомый, ёж. Старый знакомый? Тогда расскажи, что о нём знаешь.

Колючий... Дотронешься — в клубок свернётся. Днём спит, ночью охотится. Ест мясо, молоко пьёт. Яблоки таскает. Мышей ловит. И всё?

А видел ли ты белых ежей? Есть и такие. В Северной Африке, в Алжире. У алжирского ежа все иголки и шерстка на животе белые, глаза красные.

А у того ежа, что у нас на юге в степях живёт, глаза не красные, а карие, иголки серые. Но уши... Уши большие. Ушастым этого ежа и прозвали.

У нашего подмосковного ежа тоже есть свои приметы. На груди, между передними лапками, у него

шёрстка коричневая: это темногрудый ёж. А в Румынии и на Кавказе живут ежи с белыми грудками.

Видишь, сколько разных ежей на свете.

Разные ежи — разные привычки. Одни в лесах живут. Всё больше в еловых да сосновых. Другие — в степях. Третьи, ежи-альпинисты, предпочитают горы.

А есть и такие ежи, которым нравится жить с людьми по соседству. Поселяются они в изгородях, на скотных дворах, в сараях. Эти очень доверчивы. От человека не убегают. Особенно, если чуют: пахнет от него молоком.

Очень любят ежи молоко! Забираются даже в коровники и ждут, когда струйка молока у доярки мимо ведра брызнет. Для ежа — это праздничный обед. А люди, которые видели, как ежи в коровнике молоко с полу слизывали, решили, что они сами его себе надоили. Вот и пошло поверье, будто ежи коров доят.

Про ежей вообще много разных небылиц рассказывают.

Говорят, например, что ёж на своих иголках яблоки таскает. И груши, и сливы. Наколет их на иголки и бежит в норку — на зиму запасаает или ежат маленьких кормит.

Очень многие: и крестьяне, и охотники, и писатели, и даже натуралисты верят в это.

Сначала будто бы ёж хватает яблоки зубами за стебельки и по одному собирает в кучу. Потом в шар свернётся и катается по яблокам, пока не нацепит их на иголки. Всё это сказки. Во-первых, зачем ему яблоки? Ведь ёж ест насекомых, улиток и разных мелких

животных. Во-вторых, не так-то просто ему на спину перевернуться. А если даже и перевернётся, то сейчас же иголки на спине станут «мягкими». Потому что, когда ёж на спине лежит, большая мышца, которая стягивает в шар его кожу, расслабляется. Нет под иголками теперь твёрдой опоры, и они едва ли смогут проколоть яблоко.

И ещё про ежей слава ходит, будто ежи — хорошие мышеловы. Если завелись мыши в погребе, надо туда ежа пустить. Он их всех переловит. Лучше кошки.

Тоже неправда. Дохлых мышей ёж иногда ест, это верно. Но живую мышь в большой комнате едва ли поймает. Бегают ёжики ведь не быстро и не очень поворотливы.

Зато стоит посмотреть, как он расправляется со змеями. Даже гадюки ядовитой не боится. Увидит её — потихонечку, незаметно к ней подберётся. Потом кинется и вцепится зубами в змею. Извивается гадюка, пасть раскрывает — хочет укусить ежа. Да куда ни укусит — всюду натывается на иголки. А ёж всё насакивает на змею и всё в одно место кусает.

Ёж почти всегда побеждает гадюку. Загрызёт её и съест вместе с головой и ядовитыми зубами.

Но бывает, что гадюка изловчится и ужалит колючего в нос. Тогда — беда. Хорошо, если нос поболит немного и заживёт. А то и умереть может ёж от змеиного укуса. Но не сразу, а несколько дней мучается. Вот морская свинка, если её гадюка ужалит, погибает через две-три минуты.

Когда ежата рождаются, знаешь?

Летом и в конце лета.

Иногда бывает сразу десять ежат у ежихи. Но чаще — семь. Маленькие, слепые и глухие. Кожа у них на спине утыкана мягкими белыми иголочками, как у плохо ощипанной курицы.

Ежиха первые дни ни на минуту от ежат не отходит. Кормит их молоком. А ежата, ещё слепые и глухие, а уже дерутся. Из-за соска, в котором больше молока. Не кусаются, не царапаются, а боксируют. Кожа с иголками, которая на лоб у ежей напалзает, очень подвижная. Ежата её вперёд выдвигают и, как боксёр кулаком, бьют своего противника. Слабенький ежонок летит от такого удара в сторону. Мать-ежиха в их драки не вмешивается — эта возня им вместо гимнастики.

Когда ежиха из гнезда уходит, каждого ежонка старательно закутывает травой или листьями. Лежат такие маленькие пакетики в гнезде. И не видно их, и тепло ежатам в упаковке из листьев.

Через две недели у ежат открываются глаза. А мягкие белые иголочки выпадают, как зубы молочные, и из-под кожи растут твёрдые, колючие, серые иголочки.

Раз глаза видят, стоит пойти посмотреть, что делается вокруг. И ежата уходят из гнезда на поиски приключений. Жмутся поближе друг к другу и ни на шаг не отстают от матери. А если кто отстанет и заблудится — свистит жалобно: «Ах, подождите!». И мать бежит назад, ищет, где он потерялся. Найдёт и носом, носом подгоняет: «Не отставай!»

Мать учит ежат, где вкусных улиток искать, каких жуков можно есть, а каких лучше не трогать. Без её разрешения ежата ничего в рот не берут.

Целый месяц обучает ежиха колючую компанию премудростям жизни. А потом ежата подрастут и разбегутся, кто куда.

ЗУБР— ДИКИЙ БЫК

Старый наш летописец записал в одной старой старой книжке, что на пиру у литовского князя Витовта подавали «по сту зубров».

А был тот великий пир (семь недель подряд!) в городе Луцке, на Волыни, в году 1430.

Феодалы, разные князья и короли, в то время очень часто пировали. Победят врага-соседа — пир. Помиряясь с врагом-соседом — опять пир. И на пирах этих, как видно, объедались зубрами. И зубры, конечно, пережить этого обжорства не могли, вымирали.

Мало их стало.

А было время — везде в русских лесах и степях водились зубры: от Балтийского моря до Чёрного, от Урала до западных границ. Жили зубры и в Польше, и в Германии, и во Франции.

А потом нигде их не стало. Нигде. Только в Беловежской Пуще, на самой границе между Польшей и Белоруссией, в заболоченных лесах, уцелели ещё дикие быки-зубры.

Кочки, топи, бурелом — вот куда люди загнали последних зубров. А водились они прежде в светлых рощах и степях.

И вот в 1802 году царь Александр I издал указ. «В виду особой редкости породы дичи, именуемой зубром», — говорилось в том указе, — запрещается рубить деревья в Беловежской Пуще. Всем людям не велено было стрелять зубров и чинить им любой вред. Только сам царь, его родственники и гости могли отныне охотиться на зубров.

Немного позже один кавказский офицер — он служил в русских войсках в Польше — решил прогуляться по городу Люблину. Зашёл в местный музей и увидел там чучело зубра.

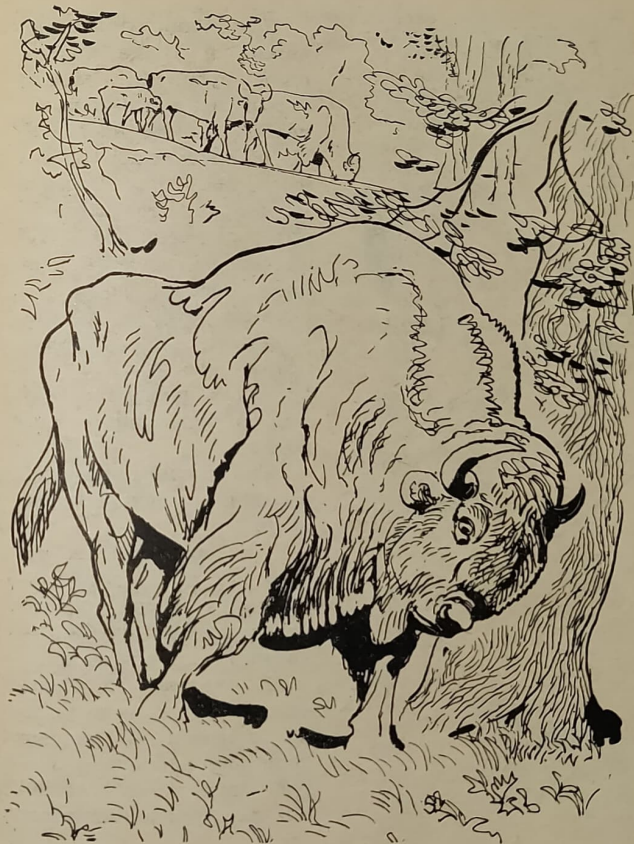
— Это ж мой земляк! — воскликнул он.

Служители музея очень удивились. Ведь тогда думали, что только в Беловежской Пуще уцелели зубры. Но, оказывается, остались они ещё и на Кавказе. Немного, правда, их там было: может быть, тысяча, может быть, две.

А потом охотники и этих зубров перестреляли.

Сорок лет назад пастухи пасли баранов на горе Алоис и увидели, как три диких быка переходили речку. Они догнали их и убили. А это были последние на Кавказе зубры. Больше никто их здесь не встречал.

Зубры беловежские погибли ещё раньше.

До конца 1920 года дожил в Пуще только один зубр. Он как-то ухитрился долго не попадаться людям на глаза. Но на следующий год его выследил Бартоломеус Шпакович. Этот Шпакович был лесником в Пуще ещё во времена царской России. Тогда он охранял зубров. Видно, у него не было совести, потому что рука его не дрогнула, когда он стрелял в испуганное животное.

Так погиб последний вольный беловежский зубр.

— Последний? А откуда же взялись те зубры, которые живут сейчас в нашей стране? — наверное, спросишь ты.

К счастью, из Беловежской Пущи люди успели вывезти в разные зоопарки несколько зубров. Одни из них погибли, но другие выжили.

Расплодились. И тогда учёные снова привезли их в Беловежскую Пущу и на Кавказ. Здесь выпустили на волю.

Стали разводить у нас зубров и под Серпуховом, в заповеднике, и в лесах на реке Хопер, под Воронежом, и в Мордовском заповеднике.

В нашей стране теперь больше ста чистокровных зубров, очень редких и красивых животных. А ещё недавно казалось, что люди навсегда их потеряли.

Если ты никогда не видел живого зубра, обязательно сходи в зоопарк и посмотри. Его сразу узнаешь: большой бурый бык. Бородатый, косматый. Стоит у решётки, похрюкивает. Это значит, он всем доволен, всё у него в порядке. А фыркать начнёт — значит, испугался чего-то. Если заурчал негромко, отойди на всякий случай подальше от решётки — на что-то рассердился.

Зубр никогда громко не ревёт, не мычит. Он очень молчаливый.

Но не думай, что он ленивый или неповоротливый. Это только кажется. А на самом деле очень быстро и ловко ходит зубр по горам и по болотам. И прыгает, как олень: забор в два метра может перескочить!

На человека зубры никогда не нападают: зря говорят, будто они свирепые. Зубры добродушные, драться не любят.

ВЕРБЛЮЖЬИ СЕКРЕТЫ

Тебе мама разрешает плевать? Ну, конечно, нет. А вот ему разрешает. И сама плюётся, когда разозлится.

И папа-верблюд тоже плюётся, когда разозлится. И вообще эти горбуны — очень странная семейка.

Ты видел, чтобы кто-нибудь не пил день, два, неделю?

А вот верблюд не пьёт две недели!

Зато потом, как доберётся до воды, выпьет целую бочку. Сто литров сразу.

Никак люди не могли раньше понять, как это ему, верблюду, удаётся не пить столько дней?

«А-а,— подумали они,— наверное, в желудке у верблюда есть такие карманы, специально для воды».

Найдёт воду верблюд и пьёт, пьёт, пока все карманы не наполнит. А потом ходит неделями по пустыне и ничего не пьёт. Хватает ему той воды, которую он в желудке унёс.

Но, оказывается, дело не в карманах, а в горбах. Недавно учёные это узнали.

Ну-ка, посмотри на картинку повнимательней. Как ты думаешь, зачем верблюду горбы? Думаешь, чтобы людям удобнее было сидеть?

Ничего подобного. В горбах верблюд запасает воду!

Только запасает совсем по-особенному. В виде жира. А когда воды не хватает, жир в горбах превращается в воду. Из ста граммов жира сто семь граммов воды получается!

Вспомни, что ты делаешь, когда летом очень жарко. Пьёшь всё время. Да?

И чем больше пьёшь, тем больше потеешь. А верблюд никогда не потеет. Даже в самую сильную жару. Воду экономит.

Верблюд и не зевает никогда. Он в жару совсем рот не раскрывает, как воды в него набрал!

А так ведь и есть! Рот от слюны мокрый. Если его раскроешь, много влаги из рта упустишь: испарится она.

Видел, как собака, когда ей жарко, рот раскроет, язык высунет и дышит часто-часто? Влага, из рта в воздух улетающая, уносит с собой много тепла. Во рту у собаки сразу делается прохладно. Поэтому ей не так жарко, когда она часто дышит.

А верблюды дышат очень редко. Восемь раз в минуту. Воду бережёт.

Ты знаешь, какая у тебя нормальная температура? 36,6 градуса. Если заболеешь, температура поднимается. Иногда до сорока градусов.

Верблюд и не болеет ничем, а днём, в самую жару, температура у него сорок градусов! Зато ночью — всего тридцать четыре градуса. Почему так?

Когда днём солнце печёт, воздух горячий, и верблюд горячий: ему и не жарко. Ночью пустыня остывает, и верблюд остывает: ему и не холодно. Поэтому верблюд не чувствует жары и холода, что у него всегда — и днём, и ночью — температура почти такая же, как у воздуха вокруг.

Вот какой верблюд удивительный!

КТО СИЛЬНЕЕ

Как ты думаешь, кто сильнее: тигр или медведь? Тигр? Я тоже так думал.

И в некоторых книжках так написано. Вот зоолог Л. Г. Капланов изучал жизнь тигров на воле, в Уссурийской тайге. Он прошёл на лыжах по их следам 1232 километра! Один по безлюдному краю. Ночевал, как и зверь, там, где его заставала ночь. А утром снова отправлялся в путь.

Однажды он нашёл разорённую медвежьей берлогу. По следам зоолог понял, что тут случилось.

Тигрица шла по лесу и учуяла медведя метров за пятьдесят. Она сразу свернула с тропы и пошла к берлоге. Подкопала берлогу сзади. Там лежала медведица с медвежатами. Тигрица изловчилась и подцепила

её когтями за переднюю лапу, которой медведица, наверное, отбивалась. Одной лапой тигрица вытащила шестипудового медведя и загрызла его!

Видно, у нас тигры на Дальнем Востоке особенные: очень сильные. А в Индии медведи тигров не боятся. Может, медведи там храбрее?

Может, и храбрее, но не сильнее наших. Ведь в Индии водятся чёрные гималайские медведи, а у нас бурые. Бурые медведи крупнее чёрных.

Джим Корбетт, знаменитый охотник на тигров, своими глазами видел, как индийский медведь отколотил тигра.

Джим Корбетт родился и прожил в Индии семьдесят лет, повадки животных знал очень хорошо.

И вот он что рассказывает: «Я заметил огромного чёрного гималайского медведя. Он шествовал так важ-

но, словно для него совершенно не имело значения, сколько времени придётся идти, чтобы попасть из одного места в другое». Вдруг остановился, посмотрел на склон холма и лёг плашмя на землю.

Поднял голову, понюхал воздух и осторожно пополз вперёд. Прижимаясь к земле, он крался бесшумно, как змея. Когда подполз к краю ямы, где тигр ел свою добычу, медленно приподнял голову и заглянул в яму. Так же медленно опустил голову. Потом подобрал под себя лапы и с громким рёвом ринулся вниз.

Медведь хотел испугать тигра, но тигр не испугался. С рычаньем бросился к нему навстречу, и завязался драка.

Шерсть клочьями летела. И вдруг тигр... струсил: галопом понёсся по открытому месту, а за ним по

пятам медведь. С рёвом, как ураган, перескочил овраг. А тигр перелетел его ещё быстрее: так здорово всыпал ему медведь!

Ну, так кто же всё-таки сильнее: тигр или медведь?

В царстве зверей такие вопросы просто не решаются. Тигр и медведь — почти равные по силе противники. Победит из них тот, кто храбрее, кто старше и злее. Молодые и тигры и медведи дерутся, конечно, хуже матёрых, полных сил и отваги самцов. Важно также, кто первый напал, кто сыт и кто голоден: сытый зверь не так дерзок и зол, как голодный.

Важно, на чьей земле встретились бойцы: кто из них ближе к дому, тот обычно и побеждает.

Причин всяких много — решить нелегко, почему у нас медведи тигров боятся, а в Индии не боятся. Повадки животных люди по-настоящему ещё только начинают узнавать. Раньше зверей всё больше изучали по шкурам и костям. Теперь многие учёные с биноклями и кинокамерами в руках наблюдают, как ведут себя живые звери на воле.

Подождём, что нового они увидят и расскажут о тигре и медведе.

КТО, ТАНЦУЯ, РАЗГОВАРИВАЕТ

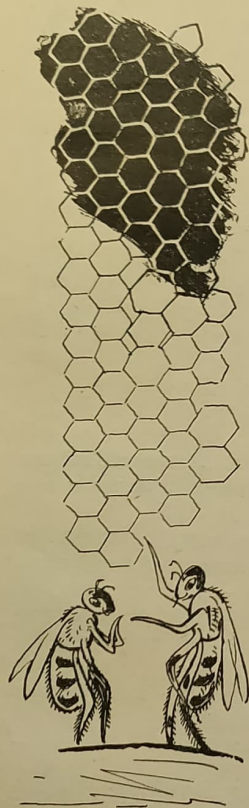
Очень уж темно было кругом. И тесно. Пчёлка пошевелила лапками, потом рванулась сильнее и вылезла из восковой ячейки.

Она протёрла передними лапками большие свои глазницы, расправила смятые крылышки и осмотрелась. Соты... Соты... Куда ни смотри — повсюду аккуратные шестигранные ячейки. И около каждой пчела суетится. «Надо бы делом заняться, неудобно как-то. Все работают»... — подумала Пчёлка.

— Что же ты сидишь, бездельница? — прожужжал кто-то рядом. — Может, ты трутень?

— Ну почему ж я трутень? — обиделась Пчёлка. — Просто я ничего ещё не знаю.

— Новенькая! Новенькая! Ты что, только на свет

народилась? — рядом на сотах кружилась пчёлка чуть по-старше нашей.

— Ага... Мне бы делом каким-нибудь заняться...

— Каким-нибудь! Нас здесь, моя дорогая, сорок тысяч, и у каждой свои обязанности. Я, например, в санитарях сейчас хожу. А вон там, видишь, по сотам большая пчела ползает. Это матка. Самая главная в нашей семье. Мы все ей жизнью своей обязаны. Это она ведь яйца отложила, из которых мы вывелись. Видишь, и сейчас откладывает. С утра до вечера, с вечера до утра. Даже ночью. Поверишь ли, иногда две тысячи яичек за сутки отложит.

— Вот труженица, — прошептала Пчёлка.

— А эти разве не труженицы? Рабочие пчёлы? Попробуй, полетай с восхода до заката за мёдом.

— Почему ты назвала меня трутнем? — вежливо спросила Пчёлка свою новую знакомую.

— А... Вот они. Ничего не делают. Даже сами себя прокормить не могут. Рабочие пчёлы их кормят. Хорошо, что хоть мало их — каких-нибудь две-три сотни.

— Зачем же вы их терпите? Выгнать надо, — предложила Пчёлка.

— Вот погоди, осень наступит, матка перестанет яйца откладывать, мы и выгоним их на холод. А пока терпеть приходится. Ничего не поделаешь. Без них пчелиный род прекратится: это отцы наши.

— Что же должна делать я?

— Как что? Личинок кормить. Но это только сейчас, в первые дни. А потом переведут тебя в строители. Должен кто-то новые ячейки из воска строить. Потом, как я, санитаркой будешь — всё лишнее из улья — долой. За чистоту и порядок в доме ты в ответе. Потом...

— Ой! Всё потом да потом. А когда же за мёдом полечу?

— Э, погоди. После санитарки поработаешь ещё на вентиляции. Жарко станет в улье, ты с другими

пчёлами-вентиляторщицами в ряд у летка встанешь, крылышками помашешь — вот и нагоните в улей свежего воздуха. После этого ещё в сторожах походишь немного. Чужих в дом не будешь пускать. А там уж и за сладким нектаром начнёшь летать к цветам. Да ты не огорчайся. Мы, рабочие пчёлы, все через эту школу проходим. Ну, ладно. Заболтались мы с тобой. Давай-ка за дело браться.

Вот смотри. Видишь, ячейки в сотах разные. В те, что побольше, матка откладывает яйца, из которых трутни потом появляются. Другие — поменьше. В них — личинки рабочих пчёл. Личинки эти, на червячков похожие, из яиц развиваются. Потом они превратятся в куколок. А уж из куколок пчёлы выведутся. Ну так вот, чтобы личинки в куколок превратились, их кормить надо. Только разных личинок кормят по-разному.

Смотри сюда. Это вот обыкновенные рабочие пчёлы. Ты покормишь их сначала молоком. Немного — так по полкапельки каждой дашь. Потом бросишь им в ячейки наш хлеб пчелиный — пергу. Мы его из пыльцы цветов делаем.

А вот эти личинки — особенные. Из них матки вырастут. Ты корми их получше. Всё время давай им маточное молоко. Да не полкапельки, а много капель. Пусть прямо-таки купаются в нём.

— Где же я его возьму? — робко спросила наша Пчёлка.

— Ничего-то ты не знаешь. Ну-ка, открой рот. Так. У тебя во рту есть молочные железы. Из них молочко течёт. Понимаешь, у таких молоденьких пчёл, как

ты, самое лучшее молоко. И много его. Поэтому вы и кормите личинок. Ну, давай, желаю успеха!

И она улетела.

— Ты уже накормила своих? — рядом с Пчёлкой присела другая пчела-кормилица. — Давай я тебе помогу и бежим на танцы. А?

— Какие ещё танцы? — удивилась Пчёлка.

— Увидишь.

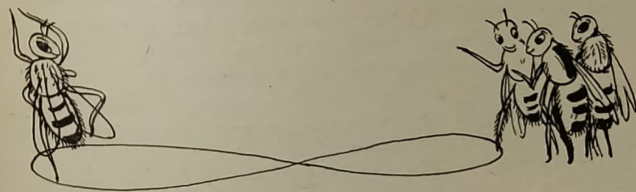
Накормили они личинок и прибежали на «танц-площадку» — много там было пчёл. Кое-как протиснулись они в первые ряды.

Посреди обступившего её роя металась одна пчела. Вот, странно виляя брюшком, она побежала вперёд. Резко вдруг свернула в сторону, описала полукруг и снова, виляя брюшком, побежала вперёд. Опять резкий поворот, но уже в другую сторону. И ещё один полукруг. И так без конца.

— Что это она такие кренделя выписывает? — спросила Пчела у соседки.

— Какие кренделя! Восьмёрки это. Как будто первый день на свете живёшь.

— Но я, правда, первый день...

— А-а, ну тогда дело другое. Это наша разведчица танцует. Нашла много цветов со сладким соком. Вот и рассказывает нам, как долететь туда.

— Рассказывает? Да ведь она просто танцует.

— Танцем-то и рассказывает. Смотри, если бы просто она кружилась и кружилась — ясно, корм недалеко от дома. Так метров сто до него. А сейчас она бегаёт не по кругу, а восьмёрки выписывает. Значит, далеко корм. Чем дальше он, тем медленнее будет танцевать разведчица.

Она тебе танцем всё расскажет: если по дороге к цветам встречный ветер — танец помедленнее будет, если попутный — побыстрее.

Видишь, как все остальные пчёлы принимают да присматриваются к разведчице?

Сейчас протанцуют вслед за ней несколько раз и точно запомнят, куда лететь и где какие цветы искать.

Ну, а какие цветы нашла разведчица, узнать трудно. Вон она как липовой пылью измазалась, да и сама липой пахнет.

— Всё поняла, но вот куда лететь, я что-то не поняла, — рассудительно заметила Пчёлка.

— Чего ж здесь не понять? Видишь, опять брюшком завилыла. Вот куда она бежит, виляя брюшком, в ту сторону и надо лететь. А чтобы с пути не сбиться, по солнцу ориентируйся. Если справа оно от тебя, когда летишь к цветам, так и держись, пока не долетишь. Значит, на обратном пути солнце слева будет. За один раз всему не научишься.

— Поберегись! — услышала вдруг Пчёлка над го-

ловой чей-то голос, и капельки воды упали ей на крылья.

— Что это? Дождь? — забеспокоилась она.

— Нет. Пчёлы-водоносы за дело взялись. Наплясалась разведчица. Запарилась. Да и другие пчёлы, глядя на неё, разгорячились. Вот в улье и стало жарко. А от жары личинки могут погибнуть. Тут по тревоге вылетели водоносы за водой. Одни пчёлы воду в улей носят, соты поливают. Другие, видишь, свежим воздухом их обдувают. Встали в ряд и крыльями машут.

Ну, полетела я. Вроде бы ясно, куда путь держать. Да и ты берись за свои дела.

И она вылетела из улья.

А Пчёлка побежала к своим личинкам.

«Ничего, — подумала она, наполняя соты молочком и пергой. — Ещё каких-нибудь 20 дней, и я тоже полечу за добычей. И может быть, даже стану знаменитой разведчицей. Найду много-много цветов со сладким соком, из которого отличный мёд получается».

КАКАЯ КУРИЦА РАНГОМ ВЫШЕ

Иду я однажды мимо луга, где соседский мальчик Андрюха цыплят пасёт, и вдруг слышу: он с кем-то разговаривает. И даже не разговаривает, а отчитывает кого-то: «Ну, ты, генерал, давай уходи-уйди. Не задирайся. А ты чего терпишь? Дал бы ему сдачи как следует!»

Глянул я вокруг: генерала нет. Только цыплята.

— С кем это ты беседуешь? — спрашиваю я.

— Да так... — говорит Андрюха.

— Кого это ты генералом называешь?

— А вот того цыплёнка. Он здесь самый главный.

— Ну-ка, ну-ка... Интересно...

Я подошёл и сел рядом.

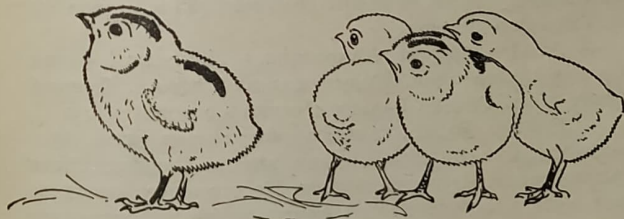
— А почему ж он самый главный?

— Почём я знаю? Только его все боятся. Пшена насыплешь — он первый бежит, цыплят всех клюёт. А его никто не трогает. Того вон беднягу совсем заклевал. Его и другие цыплята обижают.

— А ты знаешь, — говорю я Андрюхе, — ты ведь всё это очень здорово подметил. Вот я недавно книжку одну научную читал, а там написано, что и в самом деле все цыплята и все куры на птичьем дворе на ранги делятся.

— Какие это ранги? — говорит Андрюшка.

— Ты же сам заметил. Вот твой «генерал» — это цыплёнок номер один. Самый главный в стае. Все его боятся, все ему уступают. А он всеми командует. Наверняка здесь и цыплёнок номер два есть. Он тоже командует всеми, кроме «генерала». «Генералу» цыплёнок номер два подчиняется, потому что он только «полковник». После номера два — цыплёнок номер три главный. А вот этот твой замухрышка, которого все заклевали, самый номер последний. Все им командуют, а он никем не смеет. Вот, брат, какие дела в цыплячем царстве творятся.

— А когда вырастут, тоже так будет? — спрашивает Андрюха.

— Когда вырастут, местами поменяться могут. «Полковник», например, если сильнее «генерала» станет, генеральский чин получит. А «генерал» тогда в «полковники» перейдёт. Но ранги у них останутся. Вот понаблюдай за курами. Там, наверняка, тоже курица номер один есть.

— Есть! — кричит Андрюшка. — Хохлатка! Точно. Это она номер один. Ходит важная такая. Смелая. Клюёт всех. Они её больше петуха боятся.

— Вот-вот. Верно. Такая курица номер один ходит по двору, как царица. Голову высоко держит. Ноги прямо ставит. Перья топорщит. По сторонам поглядывает — кого бы клюнуть. А другие куры лебезят перед

ней: приседают покорно, когда она их клюнуть хочет, крылья опускают. Сразу видно — подчиняются. А переведи курицу номер один на другой двор — она там может оказаться и номером два, и номером пять, и даже номером последним.

— А что, — говорит Андрюха, — эти ранги только у кур бывают?

— Ну, нет. Просто у кур и цыплят их недавно заметили. И вообще всё это только что открыли.

— Что открыли?

— А то, что у многих животных, как у людей в армии, есть разные вроде бы чины. И у обезьян есть, и у волков, у мышей, и даже у трески.

Когда по разным дырам и щелям под полом бежит самая главная мышь, все другие мыши ей дорогу уступают.

Крупу и всякую провизию, до которой мыши доберутся, она первая хватает. Всех мышей кусает направо и налево, и те терпят. Даже встают на задние лапки и покорно ей живот подставляют — самое больное место.

А стоит главной мыши кому-нибудь хоть раз уступить, сейчас же «генералом» среди мышей становится

мышь номер два. Правда, первое время она держится подальше от норки разжалованного «генерала».

— Ну, а зачем им эти ранги? — спрашивает Андрюха.

— А чтобы лишних драк не было, чтобы не было лишнего кровопролития и грызни. Один раз передрались — и все знают, кто кого сильнее. Знают и без драки уступают сильному и наиболее приспособленному первое место. Так легче им выжить и сохранить себя в борьбе с другими животными.

Ну, а если сильный вожак заболел, плох стал или слишком стар, тогда его место занимает второй по рангу зверь. А первый идёт на второе место. Там тоже командует, там его опыт тоже может пригодиться. Первое место зря не занимает. Разве не разумно?

А ты посмотри на коров, которых утром пастих на луг выгоняет — думаешь, у них нет «главных» и «подчинённых». Есть. И у оленей есть. Вообще, наверное, есть у всех животных, которые стадами живут.

Недавно один учёный заметил то же самое знаешь у кого? У сверчков! Не у тех, что по ночам за печкой трещат, а у полевых. Правда, они не живут стаями. Но всё равно, если встретятся несколько сверчков, сразу начнут силы пробо-

вать. Кто кого перетянет. Сцепятся усиками и давай толкаться. Так они вроде как главного выбирают.

Чем сильнее и больше сверчок, тем он главнее. Учёные, которые сверчков изучали, разные делали с ними опыты. Замазывали, например, самому главному сверчку глаза лаком, чтобы он ничего не видел. Обрезали усики, чтобы ему нечем было драться. Вешали ему на грудь маленькую картонку, чтоб его труднее было узнать. Всё равно все сверчки его боялись и дорогу уступали.

Но однажды случайно у сверчка-генерала обрубки усиков обломались до самого основания. Стал он совсем безусый. А, видно, генералы у сверчков без усов не бывают. И сразу все сверчки перестали безусого бояться. В чине его понизили. Другой сверчок в этой округе стал самым главным.

Так что, видишь, не только среди твоих цыплят «генералы» есть.

— Интересно...— говорит Андрюха.— А у гусей тоже есть эти самые... ранги?

— У гусей? Не знаю. Не читал.

— Ну, ладно. Сегодня ещё цыплят поизучаю, а завтра попрошусь у бабушки гусей пасти.

ИНДРИК-ЗВЕРЬ

В старые-старые времена была у нас на Руси книга. «Глубинной» называлась. «От глубины премудрости, в ней заключающейся». Читали её и цари, и бояре русские, и простой народ. Дивились и уму-разуму набирались. Обо всём-то в книге той было рассказано: «И откуда зачался у нас белый свет, отчего зачалось солнце красное, млад-светел месяц? Отчего зачались звёзды частые, мир-народ божий?»

А ещё в книге «Глубинной» рассказ был о всяком-разном зверье. И написано в ней так:

«У нас Индрик-зверь, всем зверям зверь,
Тот ходит зверь по подземелью,
Куда хочет, идёт по подземелью,
Яко солнышко по небебесью:

Он проходит все горы белокаменные,
Прочищает ручьи и проточины,
А уж как Индрик-зверь под землёй взыграется,
Вся вселенная всколыбается».

Вот он какой Индрик-зверь, всем зверям зверь. Росту огромного, «чистый слон», а живёт под землёй, как крот. Роет себе дорогу в земле большими рогами. А растут те рога прямо из рта.

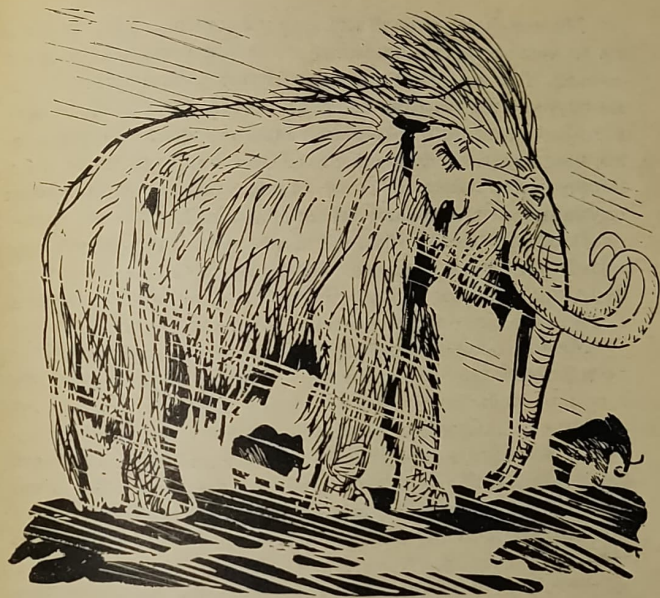
Бродит чудище под землёй: в сырости, во мраке, в одиночестве. А из земли вылезти не смеет — потому что конец ему будет тут же сразу.

По всему русскому Северу, по всей Сибири сказки сказывали об Индрике-звере.

Услыхали их учёные и задумались. Это о каком же таком звере народ говорит? «Сказка — ложь, да в ней намёк...» Стали стариков расспрашивать да разные древние книжки читать, чтобы получше узнать, кто же тот Индрик. И вот узнали: и в Китае, и у финнов, и у эскимосов, и в других странах такое же рассказы-вают. Только каждый народ Индрика называет по-своему. А если название это перевести с разных языков на русский, то получается одно и то же — «земляной крот». Финны Индрика зовут мамутом. «Ма» — по-ихнему «земля», а «мут» — «крот».

А ведь мамутом у нас раньше мамонта называли! И верно: Индрик-зверь — это мамонт.

Кто такие мамонты, ты, наверное, знаешь? Это большие бурые лохматые слоны. Не те, что в Африке и в Индии живут, а северные слоны. Они ещё совсем недавно, двадцать тысяч лет назад, бродили по нашим лесам и тундрам. Снег копали бивнями. Раскопав, ели

под снегом сухую траву и мох. И кусты объедали. Чтобы сытому быть — нужно мамонту съесть сто килограммов разных растений!

А на земле в ту пору холодно стало: ледники с севера горами ползли.

Жили-жили мамонты, а потом начали вымирать. Почему? До сих пор учёные не знают.

Может быть, новый климат им не подошёл, или они по каким-то другим причинам стали болеть и вырождаться. Только они вымерли. И вот уже 15 тысяч лет не ступает мамонтова нога по земле. Остались от них одни кости. Бивни и скелеты мамонтов находят в земле, чаще всего в обрывах рек. Вот в старину люди и решились, будто умирают они здесь, когда из-под земли случайно выскакивают на свет божий.

Особенно много бивней и костей мамонтов у нас в Сибири. Там нашли уже 60 тысяч клыков. Это с тех пор, как 250 лет назад Пётр I велел их собирать. А сколько находили до него, никто не считал.

Мамонтовой костью русские давно торгуют. Не было в Европе токаря и ювелира, который не хранил бы в запасе добытую у нас в Сибири дорогую кость.

Много мамонтовых бивней обрабатывали и на месте: в Якутске, в Архангельске, в Холмогорах. И кость была хорошая, не хуже, чем слоновая из Африки. В земле северной всё дело: в ней бивни лежат, как в холодильнике. Она ведь вечномёрзлая; летом только чуть-чуть оттаивает.

Да что кости — целого мамонта в ней нашли! С кожей, с мясом, с бурыми космами на плечах и с травой в зубах, которую он жевал перед смертью.

А погиб он, наверное, так:

...Шёл лохматый великан по берегу сибирской речушки — Березовкой её теперь называют — качал головой и жевал траву.

Вдруг с грохотом обрушился подмытый берег и придавил мамонта.

А пятнадцать тысяч лет спустя, в 1900 году, в тех

местах охотился эвенк Тарабикин. Охотился он на лося, а «поймал» мамонта. Бежали собаки по следу, а потом, слышит охотник, остановились. Лают, взвизгивают. Подбежал он к ним и... остоленел: огромная лохматая голова глядела на него из-под земли. Длинный хобот в отчаянном усилии упирался в мёрзлую землю, словно чудище ещё пыталось выбраться из ледяной могилы. Перекрестился Тарабикин и убежал.

Вечером в охотничьей избушке рассказал товарищам о страшном звере, который напугал его до смерти. Пошли наутро туда, а из-под оползня весь мамонт «вылез».

Написал о том один грамотный казак в Якутск. А из Якутска сообщили в Петербургскую Академию наук.

Академия тут же снарядила экспедицию.

Шесть недель откапывали Индрика. Мясо у него на вид было совсем свежее. Собака лайка, которая была с экспедицией, попробовала его — отгрызла у мамонта конец хобота.

Так и сидит сейчас чучело этого мамонта под стеклянным колпаком в Зоологическом музее в Ленинграде: конца хобота у него нет.

СОДЕРЖАНИЕ

Почему глухарь глухой. . .	3
Антарктическая «черепаха». .	7
Копытный телеграф . . .	12
Кто камень под мышкой носит	19
Мыши-путешественники . . .	23
Выдры с гор катаются . . .	26
Кот морской	30
Еж против гадюки	35
Зубр — дикий бык	41
Верблюжья секреты	46
Кто сильнее	49
Кто, танцуя, разговаривает	53
Какая курица рангом выше	60
Индрик-зверь	67

ДЛЯ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Игорь Иванович Анимушкин

ИНДРИК-ЗВЕРЬ

Художник Г. Нинальский

Редактор Б. Цыбина

Художественный редактор Д. Пчёлкина

Технический редактор Т. Щепетова

Корректоры С. Бланкштейн и Н. Пьянкова

Сдано в набор 7/VII-67 г. Подписано к печати 27/XII-67 г. Бумага
№ 2 Формат 70х90/16 Печ. л. 4,5 Уч.-изд. л. 2,92 Усл.-печ. л. 5,3
Тираж 100 000. Изд. № 548 Цена 11 коп. Заказ 625.

Издательство «Малыш»

Комитета по печати при Совете Министров РСФСР

Москва, А-55, Бутырский вал, 68

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа Государственного комитета
Совета Министров БССР по печати, Минск, Красная, 23.

Цена 11 коп.

